

ИРИНА ГАРТАЛЬ

ЛЮБОВЬ В НОВОКЛАДОВОМ

РАССКАЗ

Тридцать семь градусов восточной долготы, пятьдесят один градус с копейками северной широты, двести четырнадцать метров над уровнем моря. Ткнёшь в карту и попадёшь в крошечную точку земного шара, где живёт-поживает корнями вросшее в землю село Новокладовое. Село как село: клуб, почта, больничка, школа, магазин, одна большая улица и кладбище. А с самолёта небось только и увидишь большие платки полей между горящих золотом перелесков и небольшое блюдечко пруда. Десятки тысяч таких сёл по всей России. Судьбы их мало изучены, плохо описаны, а что уж говорить о судьбах здешних обитателей, которые “где родились, там и пригодились”? Но именно Новокладовое стало свидетелем истории любви, о которой там вспоминают по сей день как о главном историческом событии.

Нина была так мала ростом, что среди девушек-сверстниц всегда сходилась за девочку-подростка.

— Вот уже сто три года прожила, а хоть бы на вершок подросла, куды там! — смеётся старушка, озорно поглядывая на меня и осторожно усаживаясь в глубокое, потёртое кресло на террасе кирпичного дома. По словам односельчан, помнящих бабушку Нину зрелой женщиной, видом-то она всегда была доброличная, в деле — расторопная. И слава о ней шла добрая.

ГАРТАЛЬ Ирина родилась в г. Междуреченске Кемеровской области. После окончания Новокузнецкого монтажного техникума работала на Таганрогском металлургическом комбинате. Вернувшись в родную Сибирь, трудилась слесарем, мастером механического цеха, горнорабочей, грузчиком-экспедитором, воспитателем в рабочем общежитии. Работала с молодёжными строительными отрядами. В 1989 году переехала в Центральную часть России, работала в редакции “Новое время” в г. Губкине, главным редактором информационного центра Лебединского ГОКа, помощником депутата. Автор двух сборников стихов: “Состояние” (1999), “Анаэль” (2008).

Она единственная в селе помнит, как пришла советская власть, как стали в колхоз сводить лошадей да коров, — у кого что было. В колхозе работающая девка рук не жалела. Три года обхаживал её Яша Козловский, пока решился такую малявку в жёны взять. А она ему в ответ на любовь — трёх сыновей, одного за другим. И жили-то в хатке, крытой соломой, с земляным полом — на зависть всей округе!

Но мировая история плевать хотела на историю их любви.

Мало того, что пришлось Якову силой отдирать от себя жену, когда уходил в армию, а тут следом — война! Смерть до ломоты в плечах косила людей. Неведомо, какими молитвами, какими горячими слезами вымолила молодка у старухи с косою охранную грамоту для своего милого Яши. Вернулся с Великой Отечественной возмужавшим, заматеревшим. Так обнял — себя не помнила! Ещё больше прикипела Нина к мужу, он такой силой налился — обездоленные вдовы засматривались ему вслед. Да и власти заметили героя-фронтовика: избрали Якова председателем сельсовета. Тут на радостях от полноты жизни и смелых надежд Нина расстаралась — принесла мужу в награду за пережитые им испытания красавицу дочь. Этот миг скоротечного женского счастья она хранит в памяти, как последнюю реликвию.

В какую из ночей в приоткрытую дверь хаты выскользнула Яшина любовь — она и по сей день не знает.

— Вот вы сейчас не понимаете, недоверчивые, — говорит она мне, поглаживая большие колени корявыми кистями рук, похожими на корни дерев. — А тогда можно было пойти к старухе и сделать приворот. Так моего муженёчка одна вдова и присушила, отвела от дому. Он у меня был хороший! — мягко произносит старушка и проверяет взглядом: верю ли. — Так ладно жили! Так весело! Перед тем как уловиться — головы на подушки побросаем и мидуемся до свету. Всегда мы держались заодно, но после войны — всё!.. Был Яша — нет Яши. Он открывал дверь и говорил: “Я в сельсовет пошёл!..” На меня и не глядел. Я понимала — с ночевой отправился. А уж потом, когда с этой вдовушкой пообвылся на людях, стал и со мной разговаривать. Вроде как меньше стыдом давился. А старуху мать так и оставил со мной. Я свекровь не обижала никогда: Яшина мама! Помощи не просила. Сам не давал. Как выстынет хата, дров нет — собираюсь в лес. Дети мёрзнут, нужда толкает меня, деваться некуда. Один раз как принялась гроза — кто знай что! Молнии сверкают, гром — чисто гнев Господний, ливень бьёт по спине. Куда бежать со страху? Я нырнула под дубок. Сижу, слезами щёки омываю. Так потом и завелось: плакала только в дождь, чтобы дети и свекровь не заметили. А уж как стихнет ливень, вязанку хвороста навяжу и тащу домой. Истошно печь, всех согрею, накормлю. Но до того дошла я без Яши, что набросить на себя было нечего! Я в колхозе снопы вязала, цепами их молотила, зерно веяла. Не смотри, что я дробненькая, а какая-то оборотливая, не ленивая была. Но одна пчела много мёду не натаскает. На мне был огород — сорок соток, так я его за два дня пропалывала. Работать сильно любила и любила мужа своего, а чтоб нарядиться — об том речи не заводилось. Детей хотелось сберець.

В голосе бабушки Нины — ни тени озлобления, ни горечи. По словам дочери Валентины, она и её братья заботы отца не знали.

— Мама его всю свою жизнь словно на божнице держала, а он двенадцать раз уходил и двенадцать раз возвращался! Боролся с собой. Очнётся — идёт к маме, а вдовушка тащит очередную курицу нашей сельской ведьме. И отец снова уходит, словно на верёвке его вологут. Это какое сердце маме надо было иметь?! — Седоволосая женщина с сочувствием поглядывает на мать. — Только увидит отца в окно, сразу кидается к зеркальцу, платок поправляет, волосы причёсывает, волнуется: “Яша идёт!” На тринадцатый раз он к ней не вернулся... С тех пор мама одна с нами.

Старушка возразила дочери:

— Уж не так одна — мама Яши-то с нами проживала почти до ста лет. Ела — по крошечке. На Рождество, помню, я ей чистую рубашку надела, кофту, — праздник большой. Хотела её холодцом накормить — отказалась. Сложила руки под щёку да легла отдохнуть и умерла. Хоть бы подёрнулась, хоть бы что наказала Яше! Так тихо, спокойно убралась! Я потом её этим холодцом поминала, — мягким голосом повествует бабушка Нина.

Её друг сердечный Яша тоже давно упокоился на сельском кладбище. Но любовь их пустила корешки. Пошли по земле пятеро внуков, семеро правнуков, два праправнука. Давно нет в живых сыновей Якова. Не первый год вдовствует дочь Валентина.

— С дочерью жить хорошо. Она добрая. Никогда не поругались! Где я промолчу, где она промолчит, за мной ухаживает. Купает меня. Слышу плохо. Ноги не ходят. Сначала с палочкой подхрамывала, теперь с табуреткой. Сначала было две ноги, а теперь — шесть: у табуретки-то четыре да две мои!

От улыбки лицо бабушки Нины становится озорным. Она задерживает на мне одобряющий взгляд и продолжает:

— Всех девок-подруг помню. Память у меня хорошая. Поумирали. И разлучница в землю сошла. Прости ей, Господи! Я родилась тут, жизнь прожила, а в Москву ни разу не съездила. Ох, да какие же у нас тогда деньги были, чтобы по москвам разъезжать?! Только в Старом Осколе и довелось побывать — молоко да картошки туда на рынок возила. С детства бедно жили, ходили в лаптях. Вы лапти-то видали? — с сомнением в голосе интересуется она у меня и, получив мои заверения, продолжает: — Мама нас троих поднимала. Отца убили в гражданскую. Только лапоточки и знали. В них — на все праздники. Помню, большие гуляния были: Пасха, Троица, престольный праздник... Веселились, от двора до двора гуляли. Улица большая, в сто дворов... Ой, чего это я сморозила — триста дворов было! — поправляет она сама себя. — Три поколения гуртом на танцы ходили. Летом плясали на кругу, а зимой — в хате, у кого был пол из дерева, настоящий. А так сплошь и рядом — земляные. Народ так не пил. Да за что было пить?! Работали в колхозе и на своём подворье, на себе пахали. На руках стирали бельё, одежду. В пруду полоскали зимой и летом. Вот рученьки — главный наш инструмент — не дадут соврать. А и они с натуги с пар сошлись, из сил выбились. — Бабушка Нина переводит взгляд с одной руки на другую. — Утюгов не водилось — рубелем покатаешь и всё! Вязали и шили сами. Машинка в селе была, отдавали шить только платья, остальное — на руках. Холсты ткали, сами пряли... Знаешь, что тебе скажу, — кто до пота трудился, тот кушал получше, а лодыри никогда сытно не жили. Вот сейчас всё у меня хорошо. Одно плохо: ничего не работаю! Как бы я сейчас огород попола! — Голос бабушки Нины полон сожаления.

Валентина Яковлевна, укутывая мать пуховым платком, пригласила меня посмотреть подворье.

— Маминой старой хатке больше ста лет было. Братья определились в свои дома, я жила в городе. А потом мы с братом Володей решили, что надо маму устроить получше. Выстроили дом на две половины. Мужиков не стало. Тянемся на две пенсии. Мама в колхозе заработала двенадцать с лишним тысяч рублей, да я — чуть за десять. Жи-и-вём!

Валентина Яковлевна показывает мне хозяйственные постройки, поминутно обращается к матери с разными пустяками. Та внимательно следит за нами. В огромных валенках, длинной тёплой юбке, выгоревшем на солнце платочке, она трогательно смотрится на фоне синеглазой осени, симпатичного дома с ярко-зелёной крышей, убранного к зиме огорода, полыхающих в палисаднике георгинов. Дочь подсказывает ей:

— Ты Расскажи, что тебе цыганка предсказала.

— Она не цыганка была, — возражает старушка и поясняет мне: — После войны женщина прибилась к нашему селу. Продавала вещи с себя. Место понравилось, стала работать дояркой. На руку знала — глянет в ладонь и всё скажет. Но не каждому. Как-то пришла она к моей соседке, а я сижу за прялкой, она посмотрела на меня и протянула руку. Я отмахнулась, мол, у меня вся жизнь угадана. Муж осиротил, другого не надо. Чего ты предскажешь?

Она, не слушая, развернула мою ладонь, сверлила, сверлила глазами, да и выговорила:

— Сто четыре года проживёшь! А станешь помирать, вспомнишь, что я тебе правду сказала. Не обманула. Мне ещё год помучиться осталось, — улыбнулась бабушка Нина и протяжно вздохнула: — Увидел бы меня сейчас Яша, вот бы посмеялся, — какая я стала!..